

КТО ВЛАДЕЕТ ИМ, ТОТ ВЛАДЕЕТ БАЛТИКОЙ

СУВАЛКСКИЙ КОРИДОР

Павел Гросс

ОСНОВАНО НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ СОБЫТИЯХ

Павел Гросс

СУВАЛКСКИЙ КОРИДОР

«Автор»

2025

Гросс П.

СУВАЛКСКИЙ КОРИДОР / П. Гросс — «Автор», 2025

Основано на предполагаемых событиях. Бывший морпех Игорь, работающий пожарным в Колпино, срочно едет за дочерью Катей в деревню Трофимово Калининградской области. Путь лежит через Сувалкский коридор — стратегический участок между Литвой и Польшей. В ночь на 30 мая объединённая группировка НАТО блокирует коридор одновременным ударом с двух сторон. Игорь оказывается в эпицентре боестолкновения между врагом и российскими пограничниками. На внедорожнике друга он прорывается в ад. Ему нужно добраться до деревни Трофимово, найти дочь, связь с которой потеряна, вывезти её в безопасное место и выжить.

© Гросс П., 2025

© Автор, 2025

Павел Гросс

СУВАЛКСКИЙ КОРИДОР

основано на предполагаемых событиях

ПРОЛОГ

Сувалкский коридор

Малонаселенная территория на польско-литовской границе, имеющая двойное стратегическое значение. Во-первых, это единственный сухопутный коридор, связывающий страны Балтии с остальным ЕС (включая транспорт и энергетику). Во-вторых, именно здесь проходит самая короткая (всего 65 километров по прямой) граница между Беларусью и Калининградской областью Российской Федерации. Этот же коридор является кратчайшим транспортным путем между ними. Кто владеет им, тот владеет Балтикой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОЖАРНИК ИЗ КОЛПИНО

Такая весна в Колпино была делом обычным. Небесные хляби разверзлись и на еще непрогретую землю устремилась серая, холодная и противная морось. Она заливала асфальт промзоны, превращая разливы машинного масла в ядовитые радужные пятна и стекала по обшарпанным стенам пожарной части №47, в которой сейчас дежурил расчет Игоря Соколова.

Игорь чистил пожарный ствол – не спеша, методично двигал тряпкой, пропитанной вонючим растворителем по застывшим на наконечнике пятнам.

Они только что вернулись. Тушили склад горючки на заводе. Так, не пожар, а возгорание, как стало принято говорить после начала известных событий. Потушили быстро. Но вонь горелой пластмассы и бензина въелась в кожу, в волосы, в одежду. Впрочем, она всегда въедается. Бывало и хуже...

– Соколов! Писулька готова? – крикнул начальник из своего кабинета.

– Минуту! – не отрываясь от чистки, ответил Игорь.

«Писулька» – это рапорт по нашему, по пожарному. Петрович был чуваком старой школы: если рапорт не написан – пожара как бы и не было. Так что, воленс-ноленс, а отмазку строчи. Да побыстрее. Премию все хотят.

Рядом копошился Рябов – только из училища пришел. Лицо детское, глаза после первого реального выезда перепуганные до ужаса. Как не обосрался, не понятно. Хотя... на первом выезде дрищут в портки почти все.

– Игорь Викторович... а там... там это... могло же рвануть? Там канистры...

– Могло, – ответил Игорь и бросил грязную тряпку в ведро. – Не рвануло. Вот и ладушки. Повезло. Зато ты теперь наверняка знаешь, как пахнут твои трусы при реальной угрозе.

Рябов покраснел. Игорь смягчился. Почти.

– Расслабься, братан. Пока не рвануло – будь героем. Пиши рапорт. Три абзаца: приехали, потушили, уехали. Не умничай. Бери ручку и бумагу. В училище же показывали, как составлять рапорты или нет?

Игорь прошел в душевую. Ледяные струи копоть смывали, но въевшийся запах гари на коже все равно оставался – хоть до дыры себя протри.

Он стоял под тугими водными струями с закрытыми глазами и чувствовал, как холод пробирается сквозь вонючую кожу к костям. Хорошо, что теперь можно всю бумажную волокиту на молодого скинуть. Вовремя он устроился в часть.

Квартира. Однокомнатная хрущевских времен. После развода – его крепость и его тюрьма. В было ней пусто, но чисто, как в казарме. На столе – ноутбук: единственный источник света в наступающих жизненных сумерках, единственный источник жизни в ее суете.

Раздался писк вызова... Игорь едва не уронил кружку с чаем. Сердце всегда ёкает, когда звонит она. Он подбежал к столу, смахнул с него хлебные крошки и принял вызов кнопкой «Энтер» на старой, засаленной клавиатуре.

Экран ноутбука ожил. И вот она на нем – шестилетняя Катюха с двумя прикольными хвостиками, торчащими в разные стороны (сама заплела!), с веснушками на носу и огромными серыми глазами. Кстати, они почти такие же, как у него.

– Папка! – завопила Катюха, прилипнув носом к камере старенького телефона Лены.

Изображение прыгало, дергалось.

– Пап! Привет!

– Привет, Котик, – голос Игоря неожиданно сорвался на хрипоту. Он сглотнул. – Как дела? Что там у тебя?

И понеслось. Поток сознания шестилетнего человека:

– ...а сегодня у тети Маши котятки открыли глазки! Мы ездили к ней. Один совсем черненький! А другой белый! А я им имена придумала – Черныш и Беляночка! Мама говорит, дурацкие имена... А я кормила их из пипетки, они такие смешные, язычком щекочут, когда с ладони кушают! А потом мы с Димкой (это сосед тети Маши, он старше Катюхи – ему восемь!)

ходили к ручью за мост, на лягушек смотрели! Одна такая жирная-жирная! А Димка говорит, это царевна! Ха-ха! А потом...

Игорь слушал дочь. Впитывал каждое ее слово, каждую интонацию. Это был глоток свежего воздуха после удушья пожарной части в Колпино. Он увидел за окном ее комнаты в Трофимово – знакомый качающий ветвями старый клен. А еще часть стены с обоями, которые они когда-то клеили вместе. Но главное – он увидел Катькино оживленное личико.

– Пап, а когда ты приедешь? – вопрос внезапно вклинился в рассказ о царевне-лягушке. – Мама говорит, самолеты опять не летают. Какой-то джиписэс поломался. По воде к нам долго. А я хочу к тебе! Хочу в твой парк, где утки! И в кино! Ты обещал!

У Игоря застрял в горле ком. Да, обещал. Месяц назад. До того, как Сувалкский коридор снова пролез в заголовки горячих топовых новостей.

– Скоро, Котик, – сказал он и заставил себя улыбнуться. – Очень скоро. Как только... как только дяди наверху договорятся о том, чтобы самолеты снова смогли летать. Или корабли плавать, то есть, ходить. Папа все сделает, чтобы приехать к тебе. Обещаю. Вот честно-честно!

Он увидел тень, мелькнувшую за ее спиной. Это была Лена. Засветилась не в кадре, но Игорь нутром почуял ее.

– Пап, а мама говорит... – сделав таинственное лицо, Катя понизила голос. – ...что тут скоро начнется война. Это правда? Это как в мультике про драконов?

Ледяная неизвестность вошла Игорю под ребра. Он увидел, как рука Лены опустилась на Катино плечо.

– Кать, не носи ерунду! – прозвучал мамин сдавленный голос, потом ее лицо появилось на экране: постаревшее, усталое, напряженное и без грамма косметики. – Игорь. Хватит пугать ребенка своими разговорами.

– А я причем? Я что ли пугаю? – Игорь не сдержался. – Это ты ей про войну трещишь! В шесть лет!

– А что ей говорить, когда по телевизору только и показывают, что танки, да кричащих под бомбежками людей? Когда в магазине очереди, как в девяностые? Когда связь каждые пять минут пропадает?

– Значит, нечего было уезжать в эту дыру! – вырвалось у Игоря. Старая, избитая песня.

– В дыру?!... Здесь, в Трофимово хоть воздух чистый! А не как в твоём Колпино – дышишь и кашляешь потом непонятной харчой! Кате здесь лучше!

Они замолчали. В паузе девочка испуганно смотрела то на маму, то на папу. И тут ее нижняя губа невольно задрожала.

– Я не хочу драконов... – прошептала она. – Я хочу к папе...

Изображение заморгало, поплыло и рассыпалось на пиксели. Голоса превратились в визг.

– Катя? Катюха! – закричал Игорь. – Лена!

На экране застыл кадр: половина испуганного лица Кати и жесткая складка Лениных губ. Затем появился черный квадрат и надпись в пол экрана: «ОШИБКА СОЕДИНЕНИЯ...».

Игорь сидел в темноте. Только мерцание экрана ноутбука освещало его бледное лицо. Сувалкский коридор. Опять. Он взял пульт, нажал на кнопку, включил телевизор и принялся заглатывать ужас новостей. Игорь ненавидел их. Но не смотреть было нельзя. Как не смотреть, если Катюха там прямо сейчас? Плоский, холодный экран продолжал заливать комнату мертвым светом.

«...напряженность в Сувалкском коридоре достигла критической отметки», – вещал диктор. За его спиной на небольшом врезанном экране появились кадры с высоты птичьего полета:

бронетехника на литовском полигоне. Последовал крупный план – суровые лица солдат НАТО в камуфляже обслуживающих дальнобойные орудия. Потом – симметричный ответ: российские БМП, ракетные установки «Искандер» на учениях в Калининградской области. Карты с жирными стрелами по обе стороны узкого перешейка, синими и красными.

Крупномасштабные учения альянса “Железный Щит” в непосредственной близости от границ Калининградской области вызывают закономерную озабоченность Москвы. Как заявил официальный представитель МИД РФ, сосредоточение таких сил носит откровенно провокационный характер и направлено на дестабилизацию региона...».

Кадры сменились: военные корабли НАТО в серых водах Балтики, крейсер с американским флагом, режущий волны, с орудиями, направленными в сторону Российского берега.

«...одновременно активизировалась группировка ВМС НАТО в Балтийском море. Авианосец “Джордж Буш” завершил переход...».

Игорь выключил звук. Картинки говорили сами за себя. Две гигантские стальные вражеские челюсти медленно сжимались на тонкой, хрупкой шее Сувалкского коридора. А там Трофимово. Там Катя. Его любимая девочка. Он взял со стола фотографию. На ней – лето, они с Катей на пирсе в Питере кормят с рук чаек. Она смеется, крошки хлеба летят с ее рук в залив. Солнце и мир. Тогда казалось, так будет всегда.

Теперь этот мир трещал по швам. Почти беззвучно. Пустые полки в магазинах в Трофимово, о которых Лена вскользь упоминала, все чаще и чаще пропадающая мобильная связь, вечно ломающийся интернет, нервные взгляды соседей. Да, люди массово чувствовали угрозу...

Дежурство. Типичное. Тихое. Скудное. Опасное. Пожарные спали. Рябов уткнулся носом в планшет с игрой. Петрович клевал за столом над рапортами. Игорь снова чистил пожарный ствол (таким странным образом, успокаивал нервы). На автомате. Отточенными движениями. Несколько лет назад он почти так же чистил табельное оружие.

Внезапно раздался резкий и пронзительный вой сирены. Все, как по команде, проснулись. Вызов? Петрович махнул рукой и не поднимая головы пробубнил:

– Гребаные учения. Крысы в белых воротничках балдеют от них. Сидите и не гоношитесь.

Это была не пожарная сирена. Это была сирена гражданской обороны. Первая за много лет. Похожие звуки преследовали Игоря после дембеля. А еще его беспокоили сны, в которых он бежал по горящему городу, вокруг падали бомбы, кричали раненые, а он не мог найти... Кого?

Игорь просыпался в холодном поту, так как знал, что искал в своих снах Катю. Искал и не мог найти...

После смены он не пошел домой, а заглянул к Николаю Петровичу, которого все знакомые называли Стариком. Он был бывшим, как и Игорь, морпехом. Только прослужил дольше него – ушел позже и знал больше. За время скитаний по воинским частям не сломался. А потом осел в Колпино, открыл мастерскую по ремонту внедорожников. Его гараж – полуподвальное помещение, пропахшее бензином, маслом и табачным дымом, было своеобразным клубом для таких, как он одиночек из бывших военных.

Старик возился под капотом разобранного «Ленд Крузера». Вид у него был соответствующий: испачканный донельзя в какой-то гадости комбинезон, руки по локоть в липком мазуте, один глаз прищурен, второй... его он потерял в горячей точке, о которой никогда не говорили вслух.

– А, Сокол! – не вылезая из-под капота, сказал Старик. – Жив еще? Чего приперся? Опять по Катюхе тоскуешь?

Игорь молча сел на перевернутое ведро, достал пачку сигарет, предложил Старика. Тот кивнул и, кряхтя, выполз из-под «Крузака». Они молча закурили.

– Опять этот коридор, Коль, – наконец проговорил Игорь. – По телеку – сплошная истерика. Лена звонила... Связь постоянно обрывается. Катя спрашивает про войну.

Старик вытер руки тряпкой и уставился единственным глазом на Игоря.

– А ты чего ждал? – спросил он. – Коридор – это гиря на шее России. Гейропейам и всяким пиндосам ее отпилить охота. А мы не дадим. Так ведь?

Игорь сжал кулаки.

– Они же не посмеют... Это же...

– Что? Анклав? – Старик усмехнулся и выпустил дым кольцами. – Да зачем он нужен, этот анклав, кроме как для того, чтобы друг другу рожи корчить на саммитах?

Он подошел к заляпанному маслом телевизору, щелкнул пультом. На мутном экране замелькали каналы. Везде было одно и то же: карты, стрелки врагов и своих, бронетехника, авиация, флот, серьезные лица генералов и политиков.

– Видишь? – Старик ткнул пальцем в экран. – Две стаи псов. Рычат друг на друга через забор. То есть, через коридор. И ждут, как на это отреагирует электорат. А когда эти псы окончательно взбесятся, никакой забор электорат не удержит. А еще проще – сломать его. Тебе решать, Сокол. Сидеть тут и ныть? Или... что-то делать?

Игорь посмотрел на демонстрируемую на экране карту Сувалкского коридора. На ней, где-то у самой границы, находилась невидимая точка – деревня Трофимово.

Прошла неделя. Напряжение росло, как гнойник. Новости стали более истеричными. В обиход дикторов телевидения и многочисленных блогеров вошли такие слова, как «временные ограничения авиасообщений с Калининградом», якобы введенных из-за учений ПВО. Паромы ходили с перебоями, билеты раскупались за секунды, цены взлетели до небес. В Трофимово, как писала Лена в редких смс, устойчивой связи не было, а магазины и без сообщений давно опустели. Кроме того, участились перебои с электроснабжением всей Калининградской области.

Игорь метался, как белка в клетке. Он звонил, куда только можно: в справочную Пулково, в морской порт, даже в какие-то сомнительные логистические компании. Ответ был один: «Невозможно. Ситуация не позволяет посещать регион. Следите за новостями». А их слушать было просто невозможно...

Он сидел на кухне и пил чай, когда зазвонил телефон. Это был не ставший давно привычным ватцап (так дешевле), это был давно забытый звонок мобильного (дорогой вариант). На экране высветился незнакомый номер с кодом Калининграда. Сердце сжалось в груди.

– Алло? – с трудом проговорил Соколов.

– Игорь?

Это была Лена, но ее голос... был другим, сорванным, без вошедших в привычку злобы и раздражения. В нем чувствовалась пустота и... страх – настоящий, ледяной.

– Игорь... это я.

– Что случилось? Катюха как там?

Он вскочил, задел задницей спинку стула и с грохотом опрокинул его на пол.

– Катя... пока жива-здорова.

В трубке послышалось прерывистое дыхание. Игорю показалось, что Лена плакала. Лена? Плакала? Да ну!

– Игорь, мне страшно. Тут... люди... скупают буквально все. Керосин, соль, спички... И чертовы слухи! А по ночам слышен какой-то странный гул. Как будто моторы где-то далеко режут. И свет... Странные вспышки на горизонте, со стороны Литвы.

Она замолчала. Игорь слышал ее тяжелое дыхание.

– Лен, что случилось? Говори толком!

– Игорь... – голос притих. – Забери ее. Пожалуйста. Забери Катю отсюда. Пока... не поздно. Я сама... не справлюсь. Я боюсь за нее. Понимаешь? Не за себя. За нее.

Мир перевернулся в сознании Игоря. Лена. Его бывшая жена, всегда такая уверенная, такая едкая, такая ненавидящая его за любую слабость... Она просила. Унижалась и просила. Отчаянно. Наконец, признав, что он отец, что он сильнее ее, что только он один может спасти дочь.

– Как мне это сделать? – спросил Игорь. – Самолеты не летают. Паромы не ходят.

– Машиной езжай к нам! – выдохнула Лена. – Через коридор! Пока он еще открыт. Пока еще можно проехать. Ты же можешь? У тебя есть права. Найди машину! Надежную! Внедорожник какой-нибудь! Игорь, пожалуйста!

В Сувалкский коридор. Ночью. На машине. Через эту набухшую вену, которая вот-вот лопнет. Безумие. Чистой воды безумие. Игорь посмотрел в окно. На промзону Колпино. На серое небо. На его пустоту. Он представил лицо Кати. Ее испуганные глаза. Он услышал ее вопрос: «Пап, а это война?».

– Хорошо, – наконец, сказал Сокол. – Я приеду. Через коридор. Найду машину. Доберусь. Заберу Катю.

– Спасибо... – прошептала Лена. – Только поторопись. Пожалуйста. Я чувствую, что скоро произойдет...

Связь опять оборвалась. Игорь стоял посреди кухни. Взгляд упал на ключи от гаража Старика, прицепленные к потертому брелочку чугунного медведя – символа морской пехоты.

Плотная пелена дождя хлестала по лобовухе УАЗа «Патриота» с такой силой, что с потоком воды едва справлялись дворники – они скрежетали по стеклу резиновыми когтями. Фары освещали метров двадцать перед внедорожником – размытое полотно асфальта, превратилось в реку грязи.

За рулем гордости российского автопрома сидел Игорь Соколов. Пальцы, привыкшие к шершавой рукояти пожарного ствола, впились в кожаную оплетку руля. Сорок минут назад он

миновал последний российский КПП – формальность, брезгливый кивок пограничника, мельком взглянувшего на его паспорт и пропуск в погранзону. Теперь он был внутри Сувалкского коридора. А это больше полусотни километров страха, отделяющих его от дочери.

Мысль о Катке пронзила сознание. Шесть лет. Голосок в трубке, смешливый и слегка осиплый после простуды: «Пап, приезжай скорее! Тут у тети Маши котятки родились! Пушистые-пушистые! И я мамину старую куклу нашла, в сундуке на чердаке!».

Он отчетливо увидел на лобовом стекле ее глаза – огромные, как у Лены до замужества, в тот момент, когда рация, вмонтированная Стариком на место привычной магнитолы, неожиданно зашипела. Не эфирными помехами, а мертвым, ровным белым шумом. Глушилка. Николай Петрович – друг, отдавший ему своего железного коня, хрипло предупреждал перед выездом из Питера, затягиваясь папиросиной: «Там сейчас, Сокол, как в пороховой бочке. Фитиль тлеет. Связи не жди. Не рассчитывай на нее. Глаза – в оба, ушки – на макушке. И помни – «Патриот» старый, но он вывезет тебя из любого пекла. Если, конечно, успеешь...».

Игорь бросил взгляд на встроенные в торпеду часы. Светодиоды холодно светились цифрами: «02:47». До Трофимово – рукой подать. Час, максимум полтора. Скорость оставляла желать лучшего – шестьдесят по спидометру, реально – меньше, машину болтало, колеса теряли сцепление с липким, грязным асфальтом. Но давить в пол было смерти подобно. Яма или даже камень – и он застрянет здесь надолго: в этой ночи, в этой грязи, в этом смертном предчувствии.

Слова Кати «Пап, приезжай скорее!» заставили Игоря все-таки прибавил газ. Дизель «Патриота» глухо взревел, машина рванула вперед. Сокол ощутил слабый толчок заднего моста, знакомый стук в подвеске – Старик предупреждал, что это нормально, характер такой у этого монстра дорог. Характер... У него самого он был не сахар – Лена так всегда говорила. Упертый. Слишком молчаливый. А все потому, что много прошлого было у него за плечами. Морпех. Боец. Потом – инвалид с небольшой пенсией, затем – пожарник. Ну, это понятно. Тут все ясно, где враг. А здешний враг, кто он? Дорога что ли? Молчаливые деревни с потушенными огнями и злое небо? Вот этот враг!

Он нащупал кнопку на руле. Голосовая связь, вмонтированная Стариком. Игорь набрал последний номер. Послышались гудки. Долгие. Бесполезные. Но он ждал и надеялся на ответ. Как дурак.

«Мама говорит, самолеты не летают... – голосок Кати отпечатался в памяти. – По воде долго, пап...».

Зловещую тишину в трубке оборвал резкий, отрывистый женский голос – не Лены, а ее подруги, Светки:

– Игорь? Ты где? Связь опять... Тут...

Голос внезапно превратился в цифровой шум, а потом и вовсе пропал. Игорь сквозь зубы выругался – коротко, как умеют только морпехи, и сильно ударил кулаком по рулю.

Старик был прав. Коридор глушили. Наглухо. Информационная блокада. Подготовка к чему-то невообразимому...

Он проехал дальше, мимо знака: «Трофимово – 48 км.». Сорок восемь. Сорок восемь километров до Кати. До ее смеха. До ее головы, прижатой к его щеке. Сорок восемь км до того, чтобы увезти ее подальше от пороховой бочки, в его скромную, областную квартиру. В комнату, пропахшую дымом после дежурства и старой мебелью. Не густо, но безопасно.

Внезапно слева, сквозь пелену дождя и темноту леса, блеснул огонек. Небольшой, желтый. Окно? Костер? Игорь выключил фары. По старой привычке из другой жизни. Внедорожник остановился на обочине. Сокол пригляделся.

Нет, это было не окно, а вышка. Телекоммуникационная? Пограничная? На литовской стороне, судя по карте, которую он хорошо запомнил. На самой вершине вышки, несмотря на дождь, горел одинокий прожектор, направленный вниз, точнее – в лес. И что-то большое, темное, почти сливающееся с конструкцией, сидело рядом с прожектором. Аист? В такую погоду? Странно. Очень странно.

Игорь газанул на холостых оборотах. «Патриот» снова заурчал, а потом набрал скорость. Сердце колотилось уже под горлом. Не от страха, а от почти болезненного предчувствия. Он вспомнил глаза Старика, когда тот передавал ему ключи от УАЗа. Этот старый черт точно знал что-то такое, о чем тогда промолчал.

Рация неожиданно ожила. Не от голоса. Не от шипения. От короткой серии щелчков, похожей на азбуку Морзе. Два длинных, три коротких звука. Повтор. И снова мертвая тишина.

«Сигнал тревоги? Координаты?» – пронеслось в голове Игоря. Он снова отключил свет фар, съехал с дороги на обочину и повернул к лесу. Инстинкт самосохранения кричал: «Стоп! Выключи двигатель! Спрячься!». Но Катя... Но сорок восемь километров до Трофимова. Он не мог остановиться. Не мог.

Мимо в полутьме проплыла полуразрушенная автобусная остановка. На ней высветился свежий плакат. На русском и, кажется, польском. Надпись: «Сувалкский коридор – мост дружбы!». Надпись была перечеркнута по диагонали черной краской. Под ней было обозначено баллончиком: «Мост в никуда».

Игорь фыркнул. Мост дружбы. Да. Особенно дружелюбно выглядели патрули НАТО, которые он видел днем на литовской стороне, за колючкой, в полной боевой готовности. Броня, каски, безликие морды. Прямо как оловянные солдатики из страшной сказки. Они не смотрели в его сторону. Они смотрели сквозь него.

Знак: «Трофимова – 35 км.». Лес поредел. Справа потянулись поля – черные, мокрые, сливающиеся с горизонтом. Слева виднелась все та же темная стена деревьев. Дождь не унимался. Ветер усилился. Он то и дело раскачивал УАЗ «Патриот» и пытался стащить его в кювет.

Внезапно впереди, метрах в трехстах, мелькнули огни. Не фары. Тусклые, желтые. Это была придорожная кафешка, точнее, то, что от нее осталось. Рядом стояли два грузовика с литовскими номерами, трактор и старенькая «Волга». Человеческие тени копошились под навесом. Сквозь закрытые окна и дождь пробивался слабый, но отчетливый запах жареного мяса. Шашлыка.

Игорь сглотнул. Забывший о еде с прошлого вечера желудок предательски заурчал. Люди. Мирные люди. Водители. Местные. Живые. В этой проклятой щели между молотом и наковальней они просто жили. Грелись. Ели и о чем-то говорили.

Он сбавил газ. Может, остановиться? Спросить? Узнать, что происходит сейчас в Трофимова? Проверить, есть ли хоть какая-то связь? Но голос дочери торопил: «Пап, приезжай скорее!».

Нет. Останавливаться нельзя. Каждая минута на счету. Он проехал мимо кафешки. Фары на мгновение высветили из темноты лица людей под навесом. Усталые. Озабоченные. Один мужик в кепке, обросший, смотрел прямо на «Патриота». В его взгляде не было ни любопытства, ни страха. Зато в нем была мертвая пустота.

Игорь прибавил газ. Внедорожник рванул вперед. Огоньки кафешки остались позади, вскоре они растворились в стене дождя и тьме. Остался только рев мотора, шум грязи под колесами и гул ветра.

Радиа снова зашипела. На этот раз громче, не белым шумом. В нем появилась структура. Обрывки искаженных голосов. Не русских и не литовских. Английских? Польских? Фразы обрывались, тонули в помехах. Игорь прислушался, пытаясь уловить смысл. Внезапно послышался резкий, пронзительный вой сирены. Не из радики. Снаружи. Справа или слева? Сверху? Дикая звук нарастал, заполняя кабину и проникая в мозг. Сирена воздушной тревоги?

Игорь резко затормозил. «Патриот» занесло, но он его выровнял и остановил посреди дороги. Мотор фыркнул на холостых. Сердце колотилось в груди. Он высунул голову в окно и вгляделся.

Ничего. Только вой сирены, беспощадный дождь и тьма. Учения? В глубине души Сокол знал, что ими здесь даже не пахло. Радика взорвалась четким, металлическим голосом. На ломаном русском сообщали:

– Внимание! Внимание всем транспортным средствам в Сувалкском коридоре! Немедленно остановиться! Немедленно покинуть транспортные средства и следовать указаниям сил НАТО! Зона закрыта! Повторяю! Зона закрыта! Это не учения! Всем остановиться!

Сообщение повторилось на английском, затем на польском. Незнакомец говорил в приказном тоне. Игорь замер. Мозг лихорадочно работал. Остановиться? Выйти? Сдаться? Какие нахер силы НАТО? Где они? В темноте? В лесу? В полях?

До Катюхи каких-то тридцать пять км. Нет! Он не остановится. Не сдастся. Он должен доехать. Педаль газа под его ногой ушла в пол. Дизель вызывающе взревел. «Патриот» дернулся с места, швырнув далеко назад грязь из-под колес. После этого внедорожник помчался вперед – вглубь черной и очень голодной дорожной пасти.

Ослепительные, холодные, режущие лучи прожекторов появились из ниоткуда. Как призраки. Как кошмар. Слева – из темной лесной полосы они ударили по дороге, по полям, выхватывая из тьмы почти непроницаемую пелену дождя.

Свет был таким ярким – Игорь даже зажмурился, рука сама потянулась к козырьку над лобовым стеклом. Опустив его, он направил джип в сторону световой стены. В это мгновение справа, с другого края поля, с низкого холма высветились скрещенные лучи двух прожекторов – дорога попала в гигантские световые ножницы.

«Патриот» несся навстречу неизвестности. Игорь выкрутил руль вправо – свернул к обочине. Инстинкт самосохранения пересилил страх. Не останавливайся! Не превращайся в мишень! Потом зазвенело в ушах...

Он не слышал рев мотора, вой сирены и шум дождя. Он слышал только звон и чувствовал пульсацию крови в висках. Потом стало тихо. Вдруг что-то громко шелкнуло и тишину разорвал утробный грохот, от которого под колесами «Патриота» содрогнулась земля. Затем загрохотало снова – слева и справа, с Севера и Юга. Что-то рвало землю в клочья. Артиллерия? Бомбы? Вот бы знать!

Свет прожекторов заплясал перед глазами. В лучах, сквозь дождь, Игорь разглядел тени. Огромные, угловатые, нечеловеческие и быстрые. Они двигались по полю – параллельно дороге, разрезая мокрую тьму ярким светом фар. В зареве молнии блеснула броня. Танки? БМП? Да, их много. Десятки. Они перли Севера и Юга. Перли и захлопывали единственный соединяющий Россию и Калининградскую область коридор. Это происходило прямо сейчас, на глазах Игоря. Мир рушился...

«Патриот» несся по краю обочины дороги и нелепо подпрыгивал на кочках. Ослепленный светом и оглушенный грохотом выстрелов, Игорь едва удерживал руль. Он понимал, что съезд с дороги – не спасение, а ловушка. На поле внедорожник сразу превратится в легкую мишень.

Сокол крутанул руль в другую сторону – джип оказался на мокром асфальте. В этот момент на дороге, где он был секунду назад, земля вздыбилась фонтаном грязи, камней и огня. Видимо по машине Сокола прицельно била трассирующими снарядами малокалиберная автоматическая пушка. Предположение подтвердилось, когда к нему вернулся слух и он распознал знакомый по прошлым временам неторопливый, сухой, рвущий воздух треск, раздающийся с турели шведского бэтэра, называемого после известных военных событий чугунной ванной.

Легкая бронетехника НАТО находилась справа от «Патриота» – на поле – и заливала дорогу свинцом. Сокол усложнил задачу натовцам – дал по газам, джип завилял. Впрочем, свет прожекторов, как и прежде, неустанно следовал за ним. Пулеметная очередь, содрав кусок асфальта, прошла слева от УАЗа. Осколки звякнули по двери.

Впереди, метрах в ста от движущегося «Патриота», мелькнули фары. Большие. Грузовик? Точно! Он ехал навстречу! Игорь настойчиво просигналил, поморгал дальним светом. Бесплезно. Машина не сворачивала – мчалась прямо на внедорожник Сокола.

– Съезжай! Съезжай, идиот! – заорал Игорь.

Внезапно со стороны леса по грузовику ударила пулеметная очередь. Стекло под градом путь рассыпалось. Фары погасли. Машина резко дернулась влево – наверное, водитель потерял управление, накренилась вперед и... кузов взлетел над дорогой...

Грузовик перевернулся через капот и с грохотом упал горящим факелом на мокрый асфальт. Игорь резко выкрутил руль влево, проскочил буквально в нескольких сантиметрах от пылающей груды металла. Жар коснулся лица бывшего морпеха даже через стекло. Мозг переклинило и унесло сознание в далекое прошлое, которое Сокол не хотел вспоминать...

Холодная, гнилая, пропитанная запахом тины вода заливалась в берцы и тянула к илистому дну. Игорь шел первым, прощупывая длинным шестом дно перед собой. Позади слышалось тяжелое дыхание Гранита, привычное кряхтенье тащившего на себе ящик с последними патронами Старика и глухое постанывание волочившего раненную ногу Молота. Туман злое обволакивал щиколотки. Сокол мысленно сочинял письмо маме...

– Тише!

Гранит резко поняв руку. Все замерли и прижались к чахлым стволам ольхи. Спереди, сквозь пелену дождя и тумана, прорвался приглушенный рокот двигателя легковушки.

– Блокпост? – прошептал Старик, снимая с плеча автомат.

– Или разведка... – ответил Молот.

Игорь кивнул и жестом приказал всем рассредоточиться. Сердце приготовилось выпрыгивать из груди.

Наступившая тишина была гуще болотной жижи, в которой они стояли. Даже Старик перестал кряхтеть. Дыхание у всех замедлилось. Только дождь шелестел жухлыми листьями ольхи, а тупая, пульсирующая боль в ноге Молота напоминала всем о том, что время умирать еще не пришло.

Сокол прижался к шершавому, мокрому стволу. Древесная кора пахла заплесневелым мхом. Выжить. Сейчас нужно выжить.

Рокот двигателя легковушки нарастал. Кто в ней? Гражданские? Вряд ли. Они либо давно отсюда сбежали, либо превратились в призраков, прячущимися в городских развалинах.

– Все-таки блокпост, – повторил Старик. Его костлявые пальцы привычным движением сняли автомат с предохранителя.

– Не-а, разведка, – приподнимаясь на локте, настаивал Молот. – Один хрен, сволочи...

Игорь кивнул, не отрывая глаз от просвета между деревьями – откуда доносился звук.

– А теперь рассредоточиться!

Здоровый, как скала Гранит пополз вправо и слился с грязными кустами бузины. Старик юркнул за толстый пенёк. Молот замер. Сокол остался стоять рядом с деревом. Прищурившись, он пытаясь разглядеть сквозь дождь происходящее в мертвой зоне.

Рокот двигателя приближался. Послышался скрип тормозов. Машина остановилась. Совсем близко – за последней грядой чахлах деревьев, за кустарником, превращенным в колючую проволоку войной и временем.

Двери хлопнули. Послышались негромкие, отрывистые голоса. Чужой язык врезался в сознание. Резкий, гортанный. На расстоянии слов говоривших было не разобрать. Разведка или патруль блокпоста. Хуже не придумать. Несколько пар ног осторожно зашлепало по грязи. Кто-то шел параллельно болоту.

Один из незнакомцев остановился метрах в десяти от Сокола, Гранита и Старика. Высокий, в камуфляже, сливающимся с грязью, с автоматом на груди. Повернув голову в сторону болота, он что-то проговорил. Игорь замер. Его мышцы окаменели. Он видел профиль молодого мужчины с резкими чертами лица. Он видел, как тот щурится, вглядываясь в чащу. Видит нас? Чувствует?

Время тянулось, бесконечно пытая Игоря и его сослуживцев. Каждая капля дождя, падающая на капюшон, звучала как удар молота по наковальне. Тяжелое и хриплое дыхание Гранита доносилось слева.

– Тише дыши, придурок! – прошептал Сокол.

Гранит затаил дыхание, да так, что его лицо покраснело от напряжения. Старик не шевелился. Незнакомец что-то пробурчал, плюнул в грязь, отвернулся и направился в сторону машины. Сокол почувствовал, что все только начинается. Так и произошло – ветка под ногой Гранита треснула. Звук был не громким – ведь хрустел какой-то сухонький прутик. Но в мертвой тишине леса он прозвучал громче выстрела.

Враг сначала замер, потом вскинул автомат и вытаращился узкими глазами на кусты, в гуще которых прятался Гранит.

– Кто там?!.. – прогремел на ломаном чуждый Соколу голос.

Черная пелена рассеялась в сознании Игоря, сменившись кристальной чистотой бытия. Ну вот, все пропало. Бой сейчас начнется.

– Гранит! Бей гадов! – вскидывая автомат, заорал он.

Поняв, что скрываться бесполезно, Гранит выскочил из укрытия и открыл огонь по боевикам. Да, это были они. Пули с визгом пронеслись мимо одного из них. Боевик упал на колени, палец нажал на курок. Молот прицелился – треснула короткая очередь. Враг дернулся и рухнул лицом в грязь.

Из-за кустов – видимо, от легковой машины, ответили шквальным огнем. Двое? Трое? Пули засвистели вокруг. Старик, не поднимаясь, начал методично, короткими очередями стрелять в ответ. Преодолевая боль, Молот полз к укрытию и на ходу одной рукой отстреливался от назойливых боевиков.

– Окружили, суки! – меняя магазин, прохрипел он.

Сокол видел вспышки выстрелов между деревьями. Они были ближе, чем казалось. Машина стояла буквально в пятидесяти метрах от укрытия, за насыпью. Блокпост. Точно блокпост! Мобильный! Нас выследили? Предали? Да какая нахрен разница?

Сокол попытался сообразить, как выбраться из западни. Болото – ловушка. Впереди боевики, которых может быть намного больше, чем кажется. А что позади? Топь.

– Дымовуху! – крикнул он. – Старик, дымовую бросай! Гранит, Молот – прикрывайте! Отходим к старой иве! По моей команде!

Старик кивнул и сунул руку в подсумок. Работал он по боевикам на удивление спокойно, почти механически. Но пальцы, если приглядеться, у него знатно тряслись. Война давно

выжгла в этом старом хрене всю панику, оставив вместо нее холодную решимость выживать любой ценой в любых обстоятельствах.

Сокол выпустил еще одну очередь в сторону боевиков. Он искал путь к спасению. Может, к той самой иве? Ну, да! Это был их шанс.

Дымовая граната, брошенная Стариком, с шипением заплесала в грязи правее вражеской позиции. Через секунду густая, бело-серая пелена за клубилась, смешиваясь с дождем и туманом, создавая призрачную, зыбкую стену для отхода всей группы.

– Огонь! – заорал Сокол.

Автоматы застрекотали в унисон. Пули впивались в насыпь и пробивали насквозь тонкий металл легковошки.

– Отходим! Бегом!

Сокол, не оглядываясь, помчался к иве. Он бежал, спотыкаясь о корни деревьев и проваливаясь по щиколотку в непролазную грязь. Он чувствовал, как пули щелкают по стволам деревьев. Адреналин гнал вперед. А вот и долгожданная спасительная ива...

За спиной гремела перестрелка. Слышались крики. Раздавался очень громкий стон Молота. И громогласный рев Гранита:

– Иди! Иди, я прикрою!

Сокол плюхнулся в ледяную воду и обернулся. Сквозь дым и дождь он увидел, как Старик, спотыкаясь, тащит на измученном горбу брошенный сослуживцем проклятый ящик с патронами. Молот не останавливался, он хромал и остервенело стрелял по врагу. А Гранит? Он стоял на колене возле кустов и поливал длинными очередями дымящуюся насыпь, за которой укрылись боевики. Потом что-то гулко хлопнуло. Взрыв? Гранит исчез в клубах дыма.

– Гра-а-а-нит! – завопил Молот.

– Беги, дурак! – прохрипел Сокол, хватая его за разгрузку и втаскивая в воду. – Беги! Он... нас прикроет!

Игорь не знал, жив Гранит или нет. Не знал просто потому, что знать было некогда. Бледный как смерть Старик с ящиком чертовых патронов уже сползал в воду.

Они нырнули под переплетение корней, в зловонную, ледяную темноту, оставив за спиной ад перестрелки, дым и бездыханное тело товарища. Вода снова заливалась в берцы и тянула на дно. Это было бегство от врага. Позорное, грязное, но необходимое.

– Папа придет, – прошептал уставший Сокол. – Обязательно придет...

ГЛАВА ВТОРАЯ: КРОВЬ И ГРЯЗЬ

Звон в ушах сменился диким гулом. Взрыв вырвал кусок асфальта позади «Патриота», осколки застучали по крыше и заднему стеклу.

Катя! Мысль о дочери пронзила мозг. Не останавливаться! Ни за что! Ни за что на свете!

Выдергивая УАЗ из заноса, Игорь обеими руками вцепился в руль. Позади пылал грузовик. Не смотря на то, что глаза все еще слепило зарево, он ясно видел, как справа по полю, грохоча гусеницами, ползли угловатые тени, принадлежащие не шведским рэдвамам, а технике помощнее. Да хрен с ними. Главное не то, как они передвигаются, а из чего они стреляют. А ведь эти гады ищут его. Желтые глаза фар в мокрой тьме целились в пустоту, надеясь поймать русский внедорожник и как следует бахнуть по нему.

Из лесной полосы ответили резкой, дробной автоматной очередью. Наши или местные? Те, кто решил надрать задницы уродам? Пули застучали по броне БМП. Подарок судьбы. Его нужно использовать.

Сокол прибавил газ. Дизель «Патриота» взвыл. Машину понесло по разбитому асфальту. Стрелка спидометра прыгнула к девяноста кэмэ в час. Слишком быстро для этой дороги и древней тачки Старика, но медленно для спасения дочери. А времени – в обрез, хоть ты тресни!

Щелк-щелк-щелк – пули затрещали по железу «Патриота». Заднее правое колесо зашипело. Осколок? Пуля? Да неважно. Впрочем, Игорь почувствовал, как машина резко просела,

руль вырвался из рук, зад начало заносить вправо – к тому самому полю, по которому ползали натовские стальные монстры. Он боролся с заносом, выкручивая руль влево до хруста в запястьях и сбрасывая газ. Скрежеща диском колеса по асфальту, внедорожник, наконец, выровнялся, но теперь он сильно кренился на один бок, волоча спущенное колесо под собой. Скорость упала до сорока. Мотор надрывно захрипел.

Дорога превратилась в смертельную ловушку. Прожекторы снова нащупали джип, скользнули по кабине и ослепили Игоря. Очередь трассеров прошла в считанных сантиметрах от капота, оставив в воздухе едкий шлейф.

А вот и темная лесная стена справа. Непроглядная, мокрая, враждебная. Но это единственный шанс на спасение.

Сокол резко дернул руль вправо. «Патриот» съехал с асфальта, подпрыгнул на кочке и рухнул в кювет, зарывшись трубчатым бампером в грязь. По инерции Игоря швырнуло вперед, ремень безопасности врезался в грудь.

Одним движением он отключил фары. Темнота сомкнулась над замолчавшим внедорожником. Но свет прожекторов бронетехники НАТО, подобно монструозным щупальцам Кракена, все еще ползал по верхушкам деревьев.

Звук канонады нарастал. На Западе слышались глухие, тяжелые удары российской артиллерии со стороны Калининградской области. На Юге громыхали более частые, резкие разрывы – там не умолкали натовские гаубицы или минометы. Звуки сливались в сплошной, безумный рев, от которого под машиной дрожала земля. Сувалкский коридор на глазах повидавшего виды морпеха перемалывали в фарш.

Игорь выдохнул, растер рукавом пот и кровь на рассеченном лбе (хз, когда успел удаться?). Жив. Пока. И это хорошо. Он схватил рацию Старика.

– Старик! Коль! Слышишь? Я тут, в сраном коридоре! Машина подбита! Иду пешкодралом в лес! – сдавленно проговорил он в микрофон.

Вместо ответа Сокол услышал только шум и далекие, искаженные крики в эфире. Связь давили наглухо. Он швырнул рацию на пассажирское сиденье. Надежда поговорить с родной душой на глазах превращалась в иллюзию. Впрочем, как и все остальное.

Соколов вылез из машины. Грязи тут было по щиколотку – холодная, липкая и отвратительная. Дождь брызнул в лицо. От запаха пороха, гари и гниющей листвы чуть не стошнило. Он обошел УАЗ. Заднее правое колесо превратилось в лохмотья резины на исковерканном диске. Кузов был сильно измятым и в царапинах от осколков. По левой задней двери обозначились три аккуратных отверстия от пуль. Одна прошла буквально в сантиметре от бензобака. Повезло. Не зацепило. Но ехать на железной лошадке Старика дальше нельзя. Раненная машина превратилась в мишень для тепловизоров и дронов.

Неожиданно вспомнились слова, которые он сказал Рябову: «Расслабься, братан. Пока не рвануло – будь героем...». Сейчас рвануло. По-настоящему. Нужно жить. Ради Кати. Но весь цимес заключается в том, что именно эти слова когда-то ему сказал Старик. Вот так и передается истина от учителя к ученику, который впоследствии тоже становится учителем.

Игорь начал действовать быстро – почти на автомате, как в армии, а там действия преваляют над рассуждениями. Он распахнул багажник. Боевой НЗ (неприкосновенный запас) Старика – вместо обычной аптечки набор для выживания в экстремальных условиях. Представляла она собой жесткий кейс. Вместе с ней в багажнике старого сослуживца находились: наполо-

ненная водой фляга, сухой паек с несколькими плитками шоколада, пактом с орехами-сухофруктами, тактический фонарь и, главное – добротный нож, почти как у Рэмбо. Не игрушка, а бесценное оружие, в котором Старик знал толк.

Бывший морпех сунул аптечку, флягу и еду в рюкзак. Нож пристегнул к поясу. Фонарь определил в карман куртки. Рацию Старика, несмотря на бесполезность, тоже определил в рюкзак – вдруг пригодится. Хотя, это было успокоением, потому что сослуживец остался в Колпино, а до туда из этой точки никакая рация не достанет. Впрочем, с ее помощью можно сканировать радиочастоты. Вот это очень хорошо в условиях блокады. Еще Игорь прихватил из машины монтировку – мало ли, вещь-то надежная. Потом оглянулся на «Патриота». Старый железный конь не только не испортил борозду, но и вытащил из пекла. Бросить жалко – друг, как-никак отдал это родное сердцу полноприводное чудо техники. Но Катя сейчас была важнее всего на свете.

Только Сокол собрался уходить в лесную чащу, как вдруг услышал стон слева от дороги. Источник находился метрах в двадцати от бывшего морпеха, возле покосившегося указателя «Трофимово – 32 км.». Приглядевшись, он увидел человеческую фигуру, медленно сползающую по столбу в грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.